

Ваньэр ничего не оставалось, как, сдерживая стыд, поднять голову и произнести: «Прошу прощения у вашего величества за мой неподобающий вид.»

Матушка лишь взглянула на неё и усмехнулась: «Я просто сказала пару слов, а ты уже так расплакалась.»

Ваньэр хотела снова извиниться, но матушка остановила её, кивнув в сторону: «Ступай, приведи себя в порядок, а потом возвращайся. Не нужно, чтобы кто-то видел тебя в таком виде.» Затем она посмотрела на меня. Я поняла намёк и начала шарить по карманам, но нашла только платок, подаренный мне Вэй Хуань. Немного помедлив, я всё же вынула его и протянула Ваньэр, не отрывая глаз от платка. Когда она вытерла им грязь, я отвернулась. Матушка же сказала: «Твоя преданность мне известна. Ты только в прошлом году получила звание Цайжэнь, и твой ранг пока повысить нелегко. Деньги и шёлк тебе в дворце некуда тратить. Я дарю твоей матери статус, чтобы она смогла перейти из Етина в Приказ Дяньчжун.»

Ваньэр только что вытерла слёзы, и, услышав этот указ, её губы слегка приоткрылись, на мгновение на лице мелькнуло изумление. Она снова бросилась на колени, но я проворно подхватила её под руку: «Здесь грязно, Шангуань Шифу. Если хочешь выразить благодарность, сделай это позже в докладе.» На самом деле мне было жалко платок.

Матушка сказала: «Ступай, я поговорю с Сыцзы.» Когда Ваньэр ушла, она снова улыбнулась мне.

Её взгляд заставил меня внутренне содрогнуться. Понимая, что мне некуда деться, я улыбнулась: «Матушка... вы хотите научить меня, как обращаться с подчинёнными, сочетая строгость и мягкость? Я поняла, впредь буду внимательнее.»

Матушка усмехнулась, но сказала: «Сыцзы, знаешь ли, почему среди твоих спутниц есть как дочери знатных семей, так и одна из побочной ветви?»

Я задумалась. Раньше я полагала, что дочерей из главных линий пригласили, чтобы выбрать из них наложниц для Ли Жуя, а побочная ветвь — и есть настоящие спутницы. Но, подумав, я поняла, что матушка задала этот вопрос неспроста, и покачала головой.

Матушка смотрела на цветы, словно оценивая, какой из них самый прекрасный, и равнодушно заметила: «Твои спутницы из знатных семей были выбраны, чтобы ты могла учиться у их домашней учтивости и образованности. В будущем они выйдут замуж за влиятельные дома, и, поддерживая с ними связи, ты будешь в курсе многих дел, что подобает твоему императорскому статусу. Что до выбора одной из побочной ветви — это чисто моя материнская прихоть.» Она повернулась ко мне, измерив мой рост рукой: «Ты всё время твердишь о том, чтобы открыть свою резиденцию, а знаешь ли, что в нашем государстве принцессам по обычаю не положено иметь собственных резиденций? Когда ты покинешь дворец, тебе просто назначат старшего чиновника для приёма гостей да пару мелких слуг для управления делами. Нынешние люди даже в резиденции князя служить не хотят, что уж говорить о резиденции принцессы? Кто останется с тобой, тот вряд ли будет выдающимся талантом, да ещё и мужского пола. Слуги, хоть и преданы, но кругозор их ограничен. Если в будущем за стенами дворца тебя одолеют заботы, не с кем будет посоветоваться. Не станешь же ты каждый день являться во дворец с жалобами или гнуть свою принцессовскую статью, чтобы люди подчинялись? С такими спутницами всё иначе. Они рождены в знатных семьях, все правила и тайны аристократии им ведомы, из сотен сестёр выбрали именно их — значит, в них есть нечто выдающееся. Но при этом они из побочных ветвей, статус их низок, корней никаких нет. Со старшими сёстрами из главной линии, что с детства вместе росли, могут быть зависть да

раздоры, а ты — принцесса, у тебя таких забот нет. Стоит лишь немного их приручить — и обретёшь их преданность. О чём ты не подумаешь, они за тебя подумают; что тебе неудобно сделать, они своё лицо не пощадят. Понимаешь?»

Я и представить не могла, что, выбирая для Ли Жуя наложниц, матушка столько обо мне продумала. На мгновение я онемела, а затем произнесла: «Вэй Хуань умнее своих сверстниц, но семья её беднее, и отцовской ласки она не ведала. Теперь ещё и с мачехой рассорилась. Кроме меня, ей и приклониться-то не к кому, а значит, будет мне предана пуще прежнего, и пользоваться ею мне будет сподручнее — это ли вы имели в виду, матушка?»

Матушка кивнула, и во взгляде её мелькнула строгость: «Сун Фою во Внутренней школе оценки имела отменные, нрав прямой, в клики не вступала. Вэй Хуань умна и проворна, семья её бедна и незнатна. Ван Сю, молодой ещё, уже стал чиновником в Приказе Дяньчжун, грамоту знает, да к тому же приёмный сын Гао Яньфу. Эти трое — люди, которых я для тебя отобрала. Используй ты их как следует — в покоях твоих был бы порядок и чинность.»

Лишь теперь я постигла матушкины намерения. Сердце моё тронула её материнская забота, но в то же время на душе стало тревожно. Сдерживая чувства, я склонила голову: «Виновата.»

Матушка сорвала ещё один цветок и украсила им мою причёску, оглядела и, кивнув, улыбнулась: «Не виню тебя. Вы, дети, когда резвитесь, часто забываете о субординации. Да и Вэй Хуань — не такая уж важная особа. Нравится — пользуйся. Не нравится — прогони и выбери другую. Но сама ты должна эту мысль в сердце держать, примечать людей годных, растить их с особым тщанием, а с прочими — милость и грозу соразмерять, дабы порядок не нарушать. Не смотри, что женщины-чиновники да слуги люди мелкие и на низких местах. Если умело ими пользоваться, они и императрицу с трона свалить могут... Короче говоря, запомни: управлять людьми — всё равно что объезжать коня. Сперва властью укрощаешь — не подчиняется, тогда наказанием. Если и после этого не покорился — такого коня лучше убить, чем оставить. Слуги — что скот. Их можно использовать, с ними можно сближаться, но потакать им нельзя.» Взгляд её стал очень мягким, она погладила мои волосы у виска и вздохнула: «Мы, родители, стареем, не вечно же тебя опекать. Брат твой, как ни любит тебя, — не отец тебе. Родительская любовь к детям и братняя к сестре — вещи разные.»

Сегодняшняя матушка была совсем необычной. Мало того, что она, всегда старость отрицавшая, вдруг сказала «стареем», так ещё и её отношение к Ли Шэну было весьма примечательным — после обсуждения династического брака споры между Ли Шэном и матушкой учащались. В прошлом году отец хотел сделать Ли Шэна регентом, но матушка воспрепятствовала, сославшись на необходимость сначала женить его. В нынешнем году регентом его сделали, но оставили в Лояне, а не в столице. Мелкие дела решает наследный принц, но важные решения по-прежнему отправляют на одобрение родителям. Если вспомнить, что матушка натворила в той иной истории, да и характер её обычный, трудно поверить, что она так легко уступит. Но как бы то ни было, её отношение к Вэй Хуань было ясно как день. Я могла лишь склонить голову и почтительно ответить: «Внимаю наставлениям матушки.»

Матушка улыбнулась: «У Вэй Хуань была родная сестра по матери, которую старший сын семьи Вэй замучил до смерти. Её родной брат, Вэй Ушэнжэнь, учился в школе и должен был в прошлом году сдавать государственные экзамены, но на испытании его по ошибке приняли за вора одежды, выгнали с экзамена, и ему стало стыдно пытаться снова. Если в будущем захочешь оказать милость, в любой момент скажи Министерству церемоний. Пусть Вэй Ушэнжэнь либо снова держит экзамен, либо получит повышение по протекции — как ты пожелаешь.»

Эта весть поразила меня ещё сильнее прежней. Я раскрыла рот и пробормотала: «Родная сестра по матери... это Циньян?» Помнится, я как-то говорила о ней с Вэй Хуань, не знала же, что та уже в младенчестве скончалась.

Матушка сказала: «Сама у неё спроси.» Помедлив, добавила: «Раз уж ты просишь за А-Ян, чтобы тело целым осталось, то пусть приговор изменят на смерть от палок. Составь указ и извести Етин.»

Я вмиг побледнела и, как эхо, повторила: «Смерть от палок?»

Матушка ласково потрепала меня по голове, улыбаясь: «Смерть от палок.»

Ваньэр всё ещё колебалась, как вдруг императрица У тихо рассмеялась: «Если сейчас говорить не хочешь, подожди, пока в мыслях не утвердишься.»

Придворный императрицы, Гао Яньфу, с понимающей улыбкой пояснил ошеломлённой Ваньэр: «В чертоге Цзычэнь каждый, независимо от положения, может лично обратиться к священной особе с речью.»

Ваньэр подумала: «Неужто и впрямь никаких правил и порядка нет?» Её мать, хоть и была дворцовой служанкой, всегда чтילה множество правил знатных семей — как сидеть, как стоять, как есть, как пить, как говорить, как смеяться — всему был свой устав. Как же в семье Сына Неба каждый может запросто с императором говорить? Нелепость несусветная! Недаром клан Цуй не желает породниться с императорским домом. Хотя власть Небесного семейства, конечно, дарована свыше, но нравы при дворе и впрямь не внушают почтения... Нет, это, должно быть, потому, что У — выходцы из купцов, и корни у императрицы У нечисты, оттого и нравы при дворе в упадке. Уж точно не по вине Сына Неба. Клан Цуй отказывается не от сына императора, а от сына императрицы У.

Ваньэр со сложными чувствами взглянула на императрицу У и уже собралась вернуться в ряды слуг, как услышала её слова: «Следуй за мной.»

Ваньэр не оставалось ничего, кроме как вместе с Гао Яньфу последовать за императрицей в Академию Хунвэнь. Люди у входа, похоже, привыкли к таким визитам императрицы, лишь поклонились у ступеней, не возглашая приветствий.

<http://bllate.org/book/16278/1466230>